

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20150312
УДК 94(47+57)+271.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ТУВУ В 1967 г. (К 85-летию со дня рождения академика РАН Н.Н. Покровского)*

Наталья Дмитриевна Зольникова, д-р ист. наук,
главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: nnpokrov@gmail.com

Статья посвящена одной из первых экспедиций выдающегося российского историка, источниковеда, археографа, академика РАН Н.Н. Покровского, начавшего обследование старообрядческих поселений Сибири в середине 1960-х гг. Проведен анализ полевого дневника Тувинской группы 1967 г.: рассмотрены состав экспедиции, структура опросов (примерно реконструирован «вопросник», употреблявшийся при работе со староверами), установлено влияние этнографических принципов обследования поселений и применение методов, позже характерных для российской социологии. Методы работы археографов анализируются на примере дневниковых записей, посвященных знаковым фигурам местного старообрядческого общества; проведено сравнение с принципами работы в тех же местах антирелигиозного пропагандиста А.Ф. Емельянова.

Ключевые слова: археографы, старообрядчество, скиты, самоуничтожения, антирелигиозная политика, «свои» и «чужие».

N.D. ZOLNIKOVA

ARCHAEOGRAPHIC EXPEDITION TO TUVA IN 1967 (On the 85th Birthday Anniversary of Academician of RAS N.N. Pokrovskiy)

Natalia D. Zolnikova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nnpokrov@gmail.com

The article aims to define methods and objectives of the fieldwork carried out among the Siberian Old Believers by Academician of RAS N.N. Pokrovsky – an outstanding Russian historian, expert in source studies and archaeography. For this purpose the author has studied the field journal written in 1967 mostly by the students who had completed their first year at the Division of History of the Departments of Humanities of the Novosibirsk State University. They were members of the Tuvian Group of the Archaeographic Task Force of the Siberian Branch, USSR Academy of Sciences. Scope of research included the structure of “questionnaire” whose elements were repeated practically in each interview; an attempt was made to determine the impact of methods of related human sciences. Characteristic features of the field work carried out by the research group and its leader are considered through the example of description of symbolic figures of Old Belief. These included Father Palladius, hegumen of all Tuvian sketes (small monasteries), and I.F. Rukavitsyn who had left Old Believers for the Bolsheviks during the Civil War in Tuva but retained ties with his previous environment. Aims and methods of N.N. Pokrovsky’s work have been compared with these of A.F. Emelyanov – a writer who had

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (№ 14-01-00217а).

had anti-religious talks with Tuvian Old Believers having access to the classified materials from investigative cases of the 1920s-1930s, including cases of self-destruction. Comparison has also been made within the system “ours”- “alien”. The article presents both general scientific methods and those that are appropriate for the historical anthropology. The research findings include establishing the fact that N.N.Pokrovsky used in his fieldwork practices of classical ethnography and intuitively applied methods that were later described in sociology textbooks published in Russia. The author ascertains that there was a strict division between “ours” and “alien” peculiar to the anti-religious literature while the contacts between Old Believers and archaeographers changed the content of these concepts.

Key words: archaeography, Old Believers, sketes, self-destruction, antireligious policy, their own and others.

Экспедиции Сибирского отделения АН СССР к староверам, возглавляемые Н.Н. Покровским, принесли много открытий. Были обнаружены неожиданно большие и разнообразные крестьянские библиотеки, связанные с церковнославянской традицией. Она поддерживалась не только сохранением книг, но и их перепиской, а также созданием новых сочинений, не исчез даже древний рецепт составления чернил из сажи и чернильного орешка. Археографы своими глазами увидели, что не умерло и умение делать кожаные книжные переплеты, украшать их с помощью изготовленных по древним образцам штампов, снабжать особыми застёжками: все это было нужно как для реставрации старых книг, так и для недавно написанных произведений крестьянской старообрядческой письменности. Уже в первых поездках к староверам, начавшихся в середине 1960-х гг., удалось получить в дар старопечатные книги и рукописи, которые заложили основу Собрания Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне – Институт истории СО РАН). Сейчас оно насчитывает более 1500 единиц хранения.

Экспедиции в Туву были первыми, которые предпринял Н.Н. Покровский, приехав в Новосибирск. В Собрании Института истории СО РАН хранятся полевые дневники большинства археографических групп. Самый интересный из тувинских – дневник 1967 г. (второе посещение Тувы). Он чрезвычайно подробен, информативен и позволяет увидеть, по какому плану строилась археографическая работа, какова была структура опросов. Благодаря тому, что Николай Николаевич начал преподавать в НГУ, он смог взять с собой студентов: началась подготовка будущих специалистов.

Конечно, далеко не все, кто ездил в экспедиции, потом стали археографами. Но впечатления от полевой работы со староверами никем никогда забыты не были. Во всяком случае, та троица лучших студентов, окончивших 1-й курс отделения истории гумфака НГУ в 1967 г. и отправившихся с Н.Н. Покровским в Туву, получила бесценную выучку, несомненно, ей пригодившуюся. Г.П. Енин защитил под руководством Н.Н. Покровского дипломную работу на тему, связанную как с сибирским старообрядчеством, так и с молодой в тогдашней России социологией, на которую возлагалось много надежд: «Борьба старых и новых средств массовой коммуникации в современной старообрядческой общности». Он работал сначала в институте у Н.Н. Покровского, затем, переехав в Ленинград, устроился в Государственную публичную библиотеку

им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ); несколько лет назад вышел на пенсию, будучи д-ром ист. наук, ведущим научным сотрудником Отдела рукописей. О.К. Крокинская стала видным социологом (первый опыт работы по будущей специальности – в Туве!), ее супруг А.Д. Марголис, один из лидеров своего курса, после окончания НГУ украсил собой коллектив сотрудников музея Петропавловской крепости Ленинграда (работал заместителем директора), с 1991 по 2012 г. – генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда, ныне – канд. ист. наук, сопредседатель президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по Санкт-Петербургу.

Именно эти студенты-первокурсники заполняли основную часть дневника (ряд записей сделан супругой Н.Н. Покровского – З.В. Бородиной, его спутницей в первых экспедициях). Конечно, дневниковые записи невозможно сравнить с фиксацией рассказов информантов, которая стала практиковаться позже, когда стали доступны диктофоны. По свидетельству О.К. Крокинской, дневник 1967 г. – плод коллективных усилий: перед тем, как перенести добытые сведения на бумагу, они обсуждались в кругу археографов, нередко – у костра. Так что кто бы непосредственно ни заполнял очередные страницы, они содержали все те сведения, которые вспомнили вместе. В том случае, если что-то было забыто, вносились дополнения – для них специально оставляли свободной оборотную часть страницы. Н.Н. Покровский дневник внимательно просматривал, в нем много его правки, как содержательной, так и стилистической; иногда встречаются и его собственные записи.

Несомненно, экспедиции предшествовала подготовка. Археографам предстояло столкнуться со сложным миром затерянного в горах старообрядчества с его совершенно непривычной системой взглядов и книжной культурой, не похожей на современную. Старообрядческий мир в значительной степени воспринимался как «чужой», предстояло изучить его законы и попытаться понять. Читая дневник, видишь, с каким напряжением этого добивались и студенты – начинающие ученые, и их руководитель Н.Н. Покровский, к тому времени давно состоявшийся как незаурядный источниковед – исследователь средневековой России. О.К. Крокинская, ныне – доктор социологических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена (Петербург), рассказывает своим студентам об экспедиции 1967 г. в курсе «Методы социологического исследования», в разделе «Включенное наблюдение». Она свидетель-

стует, что хотя социологической подготовки никто из членов группы не имел, в ее работе «можно выделить формы и процедуры, полностью соответствующие научным требованиям... Николай Николаевич работал... в режиме глубокого экспертного интервью, оставив наблюдение среды нам, мы были его глаза и уши за пределами собственно разговоров. Основные правила поведения в качестве “глаз и ушей” мы... обсуждали на подготовительных занятиях»¹.

В дневнике подробнейшим образом записывались все детали рассказов староверов, с которыми состоялись беседы. И эта информация явно структурирована: чаще всего обязательно присутствуют данные о местах выхода, миграциях, семейном положении, родственных и дружеских (иногда – недружественных!) связях, отношениях к старообрядческим монастырям (скитам), отношениях с властью и ее институтами как в прошлом, так и в настоящем. Постоянны расспросы о круге чтения (как светской, так и церковной литературы), о личных и общинных или же скитских библиотеках церковнославянских старопечатных книг и рукописей. Немало места уделялось старообрядческой догматике и обрядности, рассказам о чудесах. Когда возможно, археографы старались выяснить отношение староверов к сравнительно недавним событиям довоенного времени, большая часть свидетелей которых еще была жива. В особенности интересовали сведения о самоуничтожениях, а также объяснения староверами их причин: в 1920–1930-е гг. среди старообрядцев Тувы было несколько вспышек этих трагических событий – как и века назад, связанных с определенными действиями властей.

Значительная часть дневника посвящена подробному описанию старообрядческих скитов, ориентированных (хотя и не полностью) на натуральное хозяйство. Только что описанный «вопросник» здесь дополнялся целыми разделами, основанными на разработках классической этнографии: землепользование, возделываемые культуры, домашний скот, ремесла, обмен (в большой степени без участия денег), жилища, одежда, пища, быт.

Обширная биографическая информация о староверах, другие разнообразные сведения, собранные участниками экспедиции, помогли создать на страницах дневника насыщенную красками картину жизни старообрядчества Тувы в настоящем и прошлом. Одной из самых ярких фигур, вокруг которой концентрировались многие события и к которой притягивался общий интерес, несомненно, был о. Палладий (Петр Карпович Чунарев) – духовный отец монахинь женских скитов, живший в особой келье на территории главного из них². Не удивительно, что ему посвящена изрядная часть текстов дневника.

¹ Крокинская О.К. Письмо от 24.05.2015 (личный архив автора).

² Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН. Дневник тувинской группы археографического отряда экспедиции ИИФ СО АН, 1967 г. (дневник № 4, тетрадь № 1). С. 40–71 и др.

Отец Палладий обладал очень высоким авторитетом уже при жизни, а после его смерти в Урало-Сибирском патерике, созданном староверами Нижнего Енисея во второй половине XX в., об о. Палладии написано как о человеке, прославившемся чудотворением (имел способность отыскать воду, «ключ», в безводной гористой местности, обладал даром предвидения и т.д.) Рассказ о нем в Патерике построен в соответствии с древнерусскими традициями как повествование о святом в чине преподобного [1, с. 143–150]. К наиболее устойчивым топосам преподобного в православной литературе относятся усердие в молитве и церковной службе, твердость в вере, терпение, труд на благо обители, аскетическое подвижничество, уход от богатства, вообще от мирских соблазнов и т.д. Преподобные, как правило, обладают различными божественными дарами вплоть до чудотворения [2, с. 498, 499].

Записанные в дневнике со слов одной из монахинь и самого о. Палладия биографические сведения о нем также укладываются в рамки традиционной биографии святого: родился в состоятельной (хотя и крестьянской) благочестивой семье, с ранней юности интересовался богословием, пристрастился к книгам, отказался от брака, на котором настаивали родители, даже уходил из дома в связи с этим, преследовался властями (трижды арестовывался в 1930–1940-е гг.), что староверами расценивалось как страдание за веру.

Однако в ходе более широкого опроса обнаружилось, что в старообрядческой среде можно было встретить и прямо противоположную оценку о. Палладия, правда, она оказалась связанной с «идейными разногласиями». Среди староверов, в том числе в Туве, существовали разные представления об антихристе и завершении земной истории. Одни утверждали, что он явится в человеческом образе за 3,5 года до конца света (теория чувственного антихриста). Другие были убеждены, что антихрист духовно господствует в России еще со времени церковной реформы патриарха Никона (теория духовного антихриста). Противостояние адептов этих двух воззрений иногда принимало ожесточенные формы. Так, одна из сторонниц духовного понимания антихриста, обличая противоположную позицию главы тувинских скитов, которую, видимо, рассматривала как ересь, резко высказалась в адрес о. Палладия: «...он сам идет в ад и других за собой тянет»³.

Метод «включенного наблюдения» добавил и другие интересные детали к образу главы тувинских скитов. О. Палладий владел несколькими ремеслами. В ссылке он работал в бригаде плотников и бондарей. Под крышей его кельи располагались и две мастерские: «столярка и кузнечно-слесарная с полным набором инструментов... Келья является и мастерской по переписке книг. Часть переплетного инструмента – в сенях»⁴. Наиболее ортодоксальные члены скитов старались избегать купленных вещей (поступивших из

³ Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН. Дневник тувинской группы... С. 17.

⁴ Там же. С. 65.

мира, где господствует если не сам антихрист, то его прислужники). Свою обувь, тяжелые сапоги, о. Палладий шил сам. Его «чин» (монашеское одеяние) тоже был самодельным – очевидно, работы скитских матушек. С другой стороны, члены экспедиции видели у него «плащ явно промышленной выделки»; пользовался он и компасом. Богослужения (часто по многу часов подряд) о. Палладий никогда не пропускал и не прерывал ради каких-либо дел, во все их продолжение стоял, хотя в последние годы ради старческой немощи иногда стал «присаживаться». Аскетические подвиги о. Палладия имели и другие ограничители – например, в умерщвлении плоти: каждый вечер перед сном он пламенем свечи уничтожал в своей келье паразитов (клопов, вшей) – это было, как записал в дневнике Н.Н. Покровский, «эффектное зрелище»⁵.

О. Палладий обладал, по-видимому, выдающейся способностью налаживать контакт с «чужими». Так, сначала у скитов были проблемы с тувинцами, которые «чинили им обиды». Но игумен стал помогать им в голодное время (дарил муку), и мирные отношения наладились. Тувинцы в ответ помогали даже чинить «заплоты» вокруг скитских выпасов и пашен⁶. Такое поведение отшельника вполне укладывается в представление о православных добродетелях. Но иногда христианское терпение превращалось в социальный компромисс. Один из ярких примеров – сотрудничество о. Палладия со своим бывшим врагом, Иваном Федоровичем Рукавицыным, который незадолго до приезда в скит археографов активно помогал в обновлении и расширении обветшавших скитских построек, в том числе часовни.

И.Ф. Рукавицын – фигура яркая и неоднозначная, что подтверждали все, кто имел с ним дело. Семья староверов Рукавицыных попала в Туву непрямым путем: ее глава, Федор Рукавицын, из Нижнего Тагила еще до революции мигрировал на Алтай, а в 1917 г., уже после исчезновения монархии, переехал в Урянхай (название Тувы до 1921 г.) В 1967 г. там жили трое его детей: И.Ф. и Г.Ф. Рукавицыны (и их семьи), а также м. Измарагда (Зинаида Федоровна) – одна из самых строгих старообрядческих черноризниц. Все они, как и о. Палладий, грамотные, но учились дома, освоив как церковнославянские книги, так и крюковое пение.

Но если Гермоген Федорович и м. Измарагда всегда оставались истовыми староверами, то Иван Федорович выбрал себе иной удел. Поворотной в его судьбе стала Гражданская война в Туве (1917–1921). Он, по выражению о. Палладия, «ушел в большевики», о чем, как зафиксировала дневниковая запись, «до сих пор жалеет весь скитской мир: он (по словам матушек), отлично знает службу, имеет прекрасный слух и голос, поет и демевственным, и знаменным распевом»⁷. По рассказу одной из староверок, И.Ф. Рукавицын совсем молодым (родился в 1897 г.) воевал в партизанах, затем

очень активно участвовал в утверждении советской власти, причем с годами его влияние усиливалось. С религией тогда он, во всяком случае формально, порвал: в 1920-е гг. он был парторгом в Ужепе. Многие его бывшие единоверцы, как отмечено в дневнике, «до сих пор считают, что все основные мероприятия против скитов и вообще староверов предпринимались в то время по инициативе Рукавицына». Разгромы скитов, аресты, принудительная паспортизация вызвали в 1920–1930-е гг. массовые самоуничтожения среди староверов Тувы, что ставилось в вину ему же.

Мрачный образ ренегата дополнялся рассказами о том, что после ликвидации одного из женских скитов И.Ф. Рукавицын одну из молодых монахинь, м. Варсонофию, взял второй женой – при наличии в доме первой супруги с детьми. Двое маленьких детей Варсонофии, прижитые в этом странном браке, умерли во младенчестве. Варсонофия уже после войны вернулась к скитской жизни, а И.Ф. Рукавицын продолжал процветать в прежнем качестве. Правда, о. Палладий утверждал, что и в 1930-е гг. И.Ф. «неискренне помогал властям, пытался работать на две стороны, за что был арестован и 2 месяца (в одно время с о. Палладием) находился в заключении». По-видимому, стремление реабилитироваться заставило И.Ф. донести на о. Палладия в 1945 г., что он «проводил антисоветскую агитацию и призывал уклоняться» от армии. Тогда обвинения против Палладия доказать не удалось, и его в конце концов отпустили. И.Ф. Рукавицын ставил себе это в заслугу, отрицая факт доноса и утверждая, что советовал о. Палладия отпустить, не делать из него мученика.

После 1945 г. власть несколько ослабила жесткую политику против тувинских скитов. И.Ф. Рукавицын объявил и это исключительно своей заслугой, рассказывая, что неоднократно обращался в обком, призывая прекратить репрессии и действовать исключительно убеждением. Этот миф он активно распространял в 1960-е гг., потеряв к концу 1950-х гг. прежнее влияние во властных сферах, но наладив «широкую сеть небезвыгодных для него экономических связей со скитами»: он использовал помощь скитов в своем хозяйстве – на покосах и т.п.⁸ По собственному признанию староверов, немалое значение в отношении к Рукавицыну имели воспоминания о его роли в довоенные годы и убеждение, что он в какой-то степени продолжает сохранять влияние на власть.

Дневниковые записи тувинской археографической группы 1967 г. – не единственный источник сведений о старообрядчестве Тувы. Им посвящена изрядная литература, призванная изобличать «фанатиков и изуверов», сбивающих народ с социалистического пути. Несколькими годами позже первых археографических экспедиций по этому же краю проехал с расспросами и атеистическими беседами поэт и журналист А.Ф. Емельянов, позже отчитавшийся о них книгой очерков. Первое издание книги вышло в 1978 г. в Ту-

⁵ Там же. С. 47–48, 52.

⁶ Там же. С. 45 об., 46.

⁷ Там же. С. 105–106.

⁸ Там же. С. 68, 69, 106–110.

винском книжном издательстве. Определенный корпус фактического материала (в основном биографии, некоторые заметки о быте) совпадал с наблюдениями археографов. А вот чего у них тогда не могло быть, но оказалось в распоряжении журналиста – материалы судебно-следственных дел 1920–1940-х гг., касающиеся староверов Тувы. В частности, у А.Ф. Емельянова изложена подробная история старообрядческих самоубийств в 1920–1930-е гг., имеются датированные биографические данные о многих староверах. Но такие дела обычно хранятся в засекреченных фондах; допуск к ним получали лишь люди, облеченные доверием власти и соответствующим «спецзаданием»⁹.

Попытка навязать староверам «советский образ жизни» и убеждения, сделать их «своими» для власти вела журналистов к соответствующему способу изображения прошлого и настоящего староверия. Естественно, все судебно-следственные клише тогдашнего правосудия, направленного в данном случае на уничтожение религии, сопротивления коллективизации и т.д., заимствовались такими журналистами с полным доверием, без какого-либо критического осмысления. Все, что было непонятным и чуждым в идеологии старообрядчества для проповедников атеизма, объявлялось ими проявлением изуверства, отсталости и фанатизма. При этом часто подтасовывались факты. Так, история ни с чем не сообразного сожительства И.Ф. Рукавицына со скитской монахиней Варсонофией в одном доме с его семьей подана как рыцарское стремление И.Ф. приобщить ее к колхозной жизни, омраченное деревенскими сплетнями (о прижитых детях умалчивается) [4, с. 56].

И.Ф. Рукавицын показался журналисту «человеком... загадочным и непонятным»: он считался атеистом, «выступал против религии на собраниях и с беседами, – и одновременно помогал монахам строить кельи, запастись топливом и продовольствием, а заодно поставлял... самую разнообразную информацию». Надо отдать должное А.Ф. Емельянову, он отметил реальную двойственность натуры и своекорыстие «загадочного» человека: «...содержал у них (жителей скитов. – Н.З.) свой скот и покосы, использовал монахов как рабочую силу, а они считали его своим человеком» [4, с. 43–46 и др.].

В его книге И.Ф. Рукавицын явно предстает переходным звеном между «чужими» и «своими». То обстоятельство, что старовер мог быть активным сторонником советской власти, казалось, видимо, очень привлекательным журналисту, озабоченному своей сверхзадачей. Он всячески подчеркивал положительную, с его точки зрения, сторону биографии И.Ф. Рукавицына, перечисляя его заслуги и награды, а также примерную жизнь детей-передовиков (они уже воспринимаются как абсолютно «свои»). Что касается о. Палладия, он (как и другие монахи) предстает пара-

зитом, присоавшимся ради материальных благ к доверчивому крестьянству, которое агитировал против советской власти и за самоуничтожение (не мысля этой участи для себя). В целом жизнь игумена тувинских скитов предстает смесью дикости и лицемерия, а сам он позиционируется как представитель того «чужого», что достойно в лучшем случае изживания [4, с. 11, 26, 72–78 и др.].

Такова была заранее заданная атеистическая «истина», которую не нужно было искать, а следовало лишь убедительно проиллюстрировать – константа религиозного сознания, известная с древнейших времен. Научный поиск археографов имел совершенно другие цели (они описаны выше): искомая истина не была ангажирована. Несомненно, исследователи зависели от своей культуры и поначалу воспринимались староверами как «чужие»; впрочем, аналогично и старообрядцы – археографами. Длительное общение, направленное на стремление понять, а не унижить или разоблачить, постепенно выводило ученых из области «враждебного чужого» в некое промежуточное положение между «чужим» и «своим» (но на иных основаниях, нежели характерных для И.Ф. Рукавицына!) Поиск истины, на который археографы часто ссылались при объяснении причин своего интереса к староверам, как таковой был внятен их сознанию (хотя каждая сторона, несомненно, трактовала его по-своему). Плодотворные контакты, длившиеся десятилетиями, принесли выдающийся результат, и это одна из главных заслуг Николая Николаевича Покровского – исследователя энциклопедического уровня, которого именно молва староверов наградила званием академика задолго до решения ученого сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский; изд. подг. Н.Н. Покровский, О.Д. Журavel, Н.Д. Зольникова. М.: Языки славянской культуры, 2014. Кн. 1, т. 1–2. 462 с.
2. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57.
3. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002. 471 с.
4. Емельянов А.Ф. От мира не уйти: документальные повести и очерки. Кызыл, 1984.

REFERENCES

1. Ural-Siberian Patericon: Texts and Comments. In 3 vols. Ed.-in-chief N.N. Pokrovsky. Edition prepared by N.N. Pokrovsky, O.D. Zhuravel, N.D. Zolnikova. M.: Languages of Slavic Culture, 2014, book 1, vol. 1–2. (In Russ.)
2. Rudi T.R. On Composition and Topography in the Hagiography of the Venerable. *TODRL*. Spb., 2006, vol. 57. (In Russ.)
3. Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D. Chasovenyye Old-Believers in the East of Russia in the XVIII–XX Centuries. M., 2002. 471 p. (In Russ.)
4. Yemelyanov A.F. One Can't Escape the World. Documentary stories and essays. Kyzyl, 1984. (In Russ.)

⁹ На подобных материалах был написан антирелигиозный очерк А. Шамаро о нижегородских староверах и их скитах [3, с. 264–265].